

Петухова С. А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К.А. КУЗНЕЦОВА В MOSCOW NEWS (1934—1939)

Petukhova S. A.

**KONSTANTIN A. KUZNETSOV'S WORK FOR *MOSCOW NEWS*
(1934–1939)**

Аннотация. В статье кратко освещена история сотрудничества известного российского музыковеда Константина Кузнецова с американо-советским издательским проектом *Moscow News*. Анализ очень большого корпуса англоязычных статей и рецензий Кузнецова позволяет дополнить творческую биографию специалиста многими ранее не известными фактами, скорректировать представления о деятельности и личности учёного.

К статье прилагаются списки публикаций Кузнецова в изданиях *Moscow News* и *Moscow Daily News* и оригиналы нескольких его газетных текстов (см. *Публикации*).

Abstract. The article deals with the history of collaboration of the outstanding Russian musicologist Konstantin Kuznetsov with the American-Soviet printed media project *Moscow News*. The analysis of his numerous articles and reviews written in English adds new facts to his biography and throws new light on his activities, as well as on his personality.

The article is supplemented with lists of Kuznetsov's publications in *Moscow News* and *Moscow Daily News*, as well as with original English texts of some of his writings (see *Publications*).

Ключевые слова. К.А. Кузнецов, А. Constant Smith, *Moscow News*, В.Дж. Конен, М.М. Бородин, издательский проект, американские рабочие, политическая цензура.

Key Words. K. A. Kuznetsov, A. Constant Smith, *Moscow News*, V. J. Konen, M. M. Borodin, printed media project, American workers, political censorship.

Константин Алексеевич Кузнецов, в те годы доцент Московской консерватории, сотрудничал в еженедельнике Moscow News и ежедневнике Moscow Daily News почти пять с половиной лет, написав за это время не менее 371 материала разного объёма, направленности и жанра.

Большая часть публикаций идентифицируется по полному авторскому псевдониму А. Constant Smith, помещённому под названиями работ над текстами, и инициалам А.С.С., обнаруженными под текстами. Кроме того, в некоторых случаях Кузнецов использовал свои русские имя и фамилию (Moscow Daily News, 1935, № 148, 152, 168; Moscow News, 1938, № 47 и 48; 1939, № 4 и 24) или инициалы (Moscow Daily News, 1937, № 95), в одном случае инициалы псевдонима проставлены не под, а над рецензией (Moscow Daily News, 1935, № 90), в другом, тоже единственном, приведены не полностью (С.С. — там же, 1937, № 242). Скорее всего, в обеих газетах выходили и неподписанные отзывы Кузнецова, по этой причине неподвластные идентификации.

Интенсивность его работы подтверждается плотностью появления материалов: в Moscow News — почти в каждом номере, в Moscow Daily News — временами ежедневно или через день, иногда по два текста в одном издании.

Кузнецов был не единственным музыковедом «первого ряда», чьи статьи печатались в этих газетах. Среди авторов рецензий, обзоров, сообщений, анонсов — А.Н. Римский-Корсаков, В.Дж. Конен, В.М. Беляев, В.В. Яковлев, П.А. Ламм, С.С. Попов, М.О. Янковский, И.В. Нестьев. По насыщенности публикациями по вопросам искусства (не только музыкального — здесь представлены также драматический театр, литература, живопись, кино) Moscow Daily News занимала тогда, пожалуй, ведущее положение среди газет так называемой общей направленности. Художественную ориентацию издания можно сравнить с той, что прочитывается в деятельности газеты «Советское искусство» (выходившей два—четыре раза в неделю, нерегулярно) в рамках отнюдь не общей, а конкретной тематической установки. С учётом существенной разницы: и Moscow Daily News, и Moscow News — российская столичная периодика на иностранном языке, имевшая собственную целевую аудиторию.

Этот проект — одна из легенд советского культурного строительства — возможно, является самым политизированным за всю историю отечественной иноязычной периодической печати. Газета Moscow News, основанная в 1930 году¹ американской социалисткой и журналисткой Анной Луизой Стронг (1885—1970), просуществовала до февраля 2014-го, пережив времена сталин-

¹ Характерно, что 5 мая 1930-го, ровно за пять месяцев до выхода первого номера газеты (5 октября), появился «Проект постановления Политбюро о положении иностранных корреспондентов» — единственный документ такого рода, опубликованный историком Л.В. Максименковым в специальном тематическом издании. См.: Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956 / Сост. Л.В. Максименков, под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2005. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1014601>. Дата обращения 20.07.2014.

ских чисток² и хрущёвскую оттепель, брежневский застой и горбачёвскую гласность.

И сейчас люди старших поколений высказываются по поводу многократных проверок, которым с той (российской) и другой (американской) стороны наверняка подвергались в 1930-е сотрудники редакции, изначально интернациональной. А также о том, какими льготами («спецпайками» и «спецраспределителями») пользовались журналисты и сколько денег получали за свой труд («огромные гонорары»). Тем не менее документально эти рассуждения никак не подтверждаются. Для поисков информации подобного рода необходимо обратиться в архивы — пока не ясно, какие именно. А научных публикаций о проекте *Moscow News* — как, впрочем, и в целом о бытовании советской иноязычной прессы — не удалось найти ни на русском, ни на английском языках. Отсутствуют даже диссертации, которые в области изучения советской периодики в совокупности исчисляются десятками.

Косвенным свидетельством «другой стороны» о политизированности *Moscow Daily News* может служить упоминание о ней в письме Джозефа Дэвиса (1876—1958), посла США в СССР с ноября 1936-го по июнь 1938-го. «Американские газеты приходят с дипломатической почтой, и мы получаем их с интервалом в десять дней. В противном случае мы зависим от российской прессы и *Moscow Daily News* на английском языке, которая полна пропаганды и имеет очень ограниченный предел новостей», — гласит этот документ от 19 февраля 1937-го³. Неудивительно, что м-р Дэвис зафиксировал сведения только об одной из двух газет — до сих пор тут нет ясности и считается, что то и другое названия по очереди принадлежали одному изданию.

«Сначала *The Moscow News* выходила один раз в пять дней, затем стала еженедельным изданием, некоторое время выходила в ежедневном режиме», — даёт справку сайт Агентства «РИА Новости»⁴. Это касается лишь первоначального периода истории *Moscow News*, когда она была сугубо общественно-политической газетой и материалы об искусстве занимали в ней незначительное место. В первые годы существования редакцию ощутимо лихорадило в процессе поиска адекватных способов подачи информации: «пятидневник» на

² Единственный многолетний перерыв в работе издания пришёлся на период с 22 января 1949-го до 4 января 1956 года: *Moscow News* была закрыта по решению ЦК ВКП(б) в связи с арестом её главного редактора М.М. Бородина (Грузенберга) и осуждением его по делу «Еврейского антифашистского комитета».

³ *Davies J.E. Mission to Moscow*. London: V. Gollancz Limited, 1945. 2nd ed. P. 65. В целом эта книга представляется загадочной: содержащая не только дневниковые записи посла, зачастую с весьма «непротокольными» характеристиками советских вождей, но и дипломатические документы с грифом «строго конфиденциально», она впервые вышла в 1942 году. Рассуждения о том, как такое было возможно в военные времена, уведут повествование в сторону, далёкую от предмета исследования.

⁴ URL: <http://ria.ru/spravka/20100314/213774243.html>. Дата обращения 14.07.2014.

недолгий период (в марте 1931-го) сменился ежедневником⁵, «сдвоенные» номера еженедельника появлялись не только в праздники (см., например, № 1, 21 и 65 в 1933-м), варьировалось количество страниц (от 8 до 24-х) и смысл заголовков и подзаголовков названия (от ‘Moscow News, The five-day weekly’ в 1930-м через ‘Moscow Daily News, weekly edition’ в 1932-м к ‘Moscow News, Weekly edition of Moscow Daily News’ в 1933-м), не соблюдалась строго схемы выхода, и естественно, что тематические рубрики пока не имели собственной территории.

Такое положение начало меняться в мае 1932 года с приходом на пост главного редактора Михаила Марковича Бородин (Грузенберга, 1884—1951). Под его руководством с 1 мая 1932-го до 21 февраля 1938-го еженедельник Moscow News выходил *параллельно* с ежедневником Moscow Daily News, который возник как раз тогда, когда его «старший брат» стал приобретать формат и периодичность появления, утвердившиеся для данного издания на много десятилетий вперед.

Выбор кандидата на должность главного редактора явно показывает, что это были «не простые» газеты. Михаил Бородин — революционер, соратник Ленина⁶, разведчик, прототип главного героя историко-политического романа⁷ и отец одного из прототипов Штирлица. Подлинные документы жизни многолетнего (1932—1949) главы проекта Moscow News, возможно, находятся в недавно «приоткрытом» Центральном Архиве ФСБ России: в 1949-м в ходе «антикосмополитической» кампании М.М. Бородин был репрессирован и спустя почти два года, не дождавшись приговора, умер в Лефортовской тюрьме. Повествование об этом человеке также дошло до настоящего времени в преданиях, которые находят неожиданное подтверждение благодаря сведениям, помещённым в сети⁸.

Михаил Маркович выступил в руководимых им изданиях всего раз; материал «Редактор Бородин разъясняет роль Moscow Daily News» опубликован на основании доклада на встрече с сотрудниками и читателями газеты в Доме Печати 4 мая 1933 года. Главные темы данного воззвания акцентируют непрерывное единство идеологической направленности отечественной многонациональной и иностранной прессы в советской стране и подчёркивают, что здесь

⁵ Эти изменения не были связаны с отменой «советского революционного календаря» — «пятидневки», которая продержалась как минимум до декабря 1931-го.

⁶ Справедливости ради стоит добавить, что до Бородина по крайней мере один из главных редакторов газеты — Т.Л. Аксельрод (1888—1938, в Moscow News с декабря 1930-го до июня 1931-го) — также был соратником Ленина и много времени провёл с ним в швейцарском «изгнании» в 1910-е.

⁷ См.: *Мальро А.* Завоеватели [1928] / Пер. с франц. Н.И. Ванниковой и Е.Д. Мурашкинцевой. М.: Прогресс, 1992.

⁸ *Рыжков В.* Карагандинские мгновения Штирлица // Индустриальная Караганда. 2009. 24 октября. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256677560>. Дата обращения 13.07.2014.

газета — конечно, больше, чем газета⁹.

Проект Moscow News на первых этапах существования был ориентирован на аудиторию, почти целиком состоящую из американских рабочих. Точная численность этой аудитории не может быть выяснена, ибо ни в одном номере не указан тираж. Остаётся подойти с другой стороны, поинтересовавшись числом прибывших в СССР на заработки американцев. Об экономической эмиграции из США на рубеже 1920-х—1930-х существует значительная литература. Разумеется, она не свободна от идеологической обусловленности, что не мешает серьёзным исследованиям опираться на скрупулёзно собранные документальные свидетельства¹⁰.

«В конце 1920-х, во времена Великой депрессии, агентство “Амторг” получило более ста тысяч заявок на работу в СССР. Десять тысяч человек были наняты», — пишет Тим Цулиадис, английский журналист греческого происхождения, в книге «Покинутые: американская трагедия в сталинской России»¹¹. В начале 1930-х открылись англоязычные школы для детей приезжих¹² в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Харькове, где продолжали функционировать или вводились в строй машиностроительные, вагоностроительные, тракторные заводы¹³, и в Нижнем Новгороде, где разместился филиал Ford Motors Company¹⁴. «На Сталинградском тракторном заводе 23-летний американец зарабатывал 250 долларов в месяц против 140 в Детройте, имея вдобавок бесплатную аренду жилья, услуги горничной, 30-дневный отпуск и право свободного перемещения по городу»¹⁵.

В 1936 году политический климат начал меняться; почувствовав жёст-

⁹ Editor Borodin Explains Role of Moscow Daily News // Moscow Daily News. 1933. No. 103, May 6. P. 4.

¹⁰ См., например: *Graziosi A.* ‘Visitors from other times’: Foreign workers in the prewar piatiletki // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1988. Vol. 29. No. 2, apr.—jun. P. 161—180. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1988_num_29_2_2139. Дата обращения 13.07.2014.

¹¹ *Tzouliadis T.* The Forsaken: An American Tragedy in Stalin’s Russia. New York: Penguin Press, 2008. P. 6.

¹² В первом номере Moscow Daily News (от 1 мая 1932-го) на последней странице (8) помещена рекламная статья о такой школе: *E.F.* Success of Moscow School for English Children. Classes Begin on Time; Regular Medical Examinations, Cheap Hot Lunches for Pupils. But Principal Wants Papers to Show More Interest in Work. По-видимому, в это время американские работники с семьями ещё продолжали прибывать в СССР.

¹³ Харьковский тракторный завод имени Серго Орджоникидзе начал работать 29 августа 1931 года, Челябинский тракторный завод — 1 июня 1933 года.

¹⁴ О серьёзности намерений советского правительства относительно развития машиностроения свидетельствует и посещение России в 1932-м Фердинандом Порше, которому тогда было предложено возглавить автомобильную промышленность страны. См.: *Ferdinand Porsche* // *Encyclopedia of World Biography* (2004). URL: http://www.encyclopedia.com/topic/Ferdinand_Porsche.aspx. Дата обращения 23.10.2014.

¹⁵ *Tzouliadis T.* The Forsaken: An American Tragedy in Stalin’s Russia. P. 31.

кость «закручивания гаек», иностранные специалисты в массовом порядке стали подавать документы на выезд из страны¹⁶. Однако покинуть её пределы успели не все. Цулиадис приводит пример биографии одного из тех, кто не уехал: «Ловетт Форт-Уайтман — уроженец Далласа, выпускник [Университета] Таскиги, основатель американского негритянского рабочего съезда, боксёр, отправился в Москву, чтобы работать на Коминтерн, и преподавал в американской школе¹⁷. Он подал документы на выездную визу из Советского Союза, однако вместо этого был арестован и отправлен в трудовой лагерь в Казахстане. Избитый, так как не выполнил свою рабочую квоту, с выбитыми зубами, он умер 13 января 1939-го от голода в возрасте сорока четырёх лет»¹⁸.

Таков общественно-политический фон, на котором существовал и развивался проект Moscow News в период, когда там появился Константин Кузнецов.

Подробное ознакомление с материалами изданий начиная с их первых номеров¹⁹ позволяет скорректировать некоторые шаблонные представления о советских 1930-х.

В первые годы на страницах Moscow Daily News ещё присутствовала ре-

¹⁶ При описании условий жизни иностранных (преимущественно американских) специалистов в России этого периода обращает внимание позитивная интонация, присутствующая в некоторых англоязычных работах и, напротив, — достаточно негативная, отличающая, в частности, исследования отечественного автора. В трудах историка О.В. Ивановой акцентированы разногласия между наёмными работниками и советскими работодателями, возникшие в основном из-за недопоставок оборудования, плохой организации труда и разницы между обещанными и реальными (после обмена по государственному курсу) суммами его оплаты. Разумеется, что по этим причинам далеко не все специалисты оставались в СССР вплоть до 1936 года. Однако, при отсутствии статистики недовольных, покинувших страну раньше, а также из-за явно преобладавшей тогда бытовой устроенности американских рабочих уместно предположить, что как раз именно к ним относятся цифры массовых выездов на родину в связи с политическими изменениями. См.: *Иванова О.* Социокультурная адаптация иностранцев в Советской России в 1920—1930-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Рос. ин-т культурологии, 2006; *Иванова О.* Трудовые мигранты в Советской России в 1920—1930-е годы // URL: http://leonline.org/old/images/stories/books/mosty_20_ivanova.pdf. Дата обращения 22.10.2014.

¹⁷ Lovett Fort-Whiteman (1894—1939) назван в тексте специального сайта «воинствующим революционером». См.: URL: <http://www.revleft.com/vb/revolutionary-life-and-t134938/index.html?s=f9a7fd6833c7656cdde2d50c29600831&t=134938>. Дата обращения 31.10.2014. Однако его статьи на страницах Moscow Daily News посвящены в основном вопросам развития науки. См., напр.: Lovett Fort-Whiteman. Soviet Scientist Discovers Method of Telling Cancer Cells from Healthy Cells. Professor Roskin Studying Capacity Organism to Produce Substances Which Fight Cancer // Moscow Daily News. 1935. No. 105, May 9. P. 3; Soviet Successes in the Study of Magnetism // Moscow Daily News. 1935. No. 109, May 14. P. 3; Ecology and the Study of Natural Resources // Moscow Daily News. 1935. No. 126, June 3. P. 3.

¹⁸ *Tzouliadis T.* The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia. P. 98—99.

¹⁹ Появление первого номера Moscow News состоялось в «обычный» день — 5 октября 1930 года. А выход первого номера Moscow Daily News в 1932-м был приурочен к празднику 1 мая — Дню международной солидарности трудящихся.

клама, в частности, объявления компании «Интурист». Некоторые сотрудники редакции писали под псевдонимами, и не только «простыми», состоявшими из инициалов настоящего имени, но и «сложными», действительно его маскировавшими, в рамках давней литературной традиции. Характерно, что псевдонимы трансформировались, менялись — редакторы и корректоры их не исправляли²⁰. Необычными для советской прессы 1932–35 годов были и заголовки.

Достаточно уже того, как формулировал названия некоторых своих материалов Кузнецов: «Что подумал бы Верди о “Травиате”, поставленной Немировичем-Данченко?» (Moscow News, апрель 1935-го), «Хорошая музыка — и плохая» (Moscow Daily News, июль 1935-го), «В шолоховской опере [“Тихий Дон”] запечатлены песни соседей» (там же, декабрь 1935-го), «Композиторы и исполнители принялись вдыхать новую жизнь в советскую музыкальную критику» (там же, июнь 1936-го).

Последний случай — для 1936-го скорее исключение. С течением времени заголовки (не только кузнецовские) становились проще, плакатнее, унифицированнее, опираясь на шаблонные выражения типа «показывает талант», «взволновал (возбудил) аудиторию», «вызвала овации», «дал концерт», что, конечно же, иллюстрирует не отголоски ужесточения идеологического руководства, а рутинность рецензентской практики.

В текстах обоих изданий обнаруживаются опечатки и пропущенные слова. Иногда с ошибками жирно набраны даже цифры номеров Moscow News на первых страницах²¹, в других случаях — крупным шрифтом привычные фамилии давних авторов²². По-видимому, корректоры или недостаточно знали язык, или просто сбивались с ног из-за плотного графика выхода номеров (52 еженедельных + 300 «ежедневных» в год); таким образом большую часть ответственности за тексты несли корреспонденты, а в тех областях, на которые она не распространялась, могли случаться далёкие от политики курьёзы.

Кузнецов был не первым представителем отечественного академического музыковедения, приглашённым в проект Moscow News. Первым был Вик-

²⁰ Например, В.Дж. Конен выступала в обеих газетах как Valentine V. Konin, а балетный обозреватель Jack Chen, работавший там с 1931-го, в марте 1935-го как Chen I-Wan.

²¹ В августе 1932-го вышло два разных № 44 (10-го и 15-го) и ни одного № 46 (так как он превратился в 45-й за 20-е, а 47-й за 25-е уже поставлен верно). В январе 1933-го появилось два разных № 1 (за 1-е и 5-е), после чего, не приняв во внимание ошибку, отсчёт продолжился с № 2 (от 10-го числа).

²² В частности, на протяжении почти пяти лет о литературе и драматическом театре писал А. Anikst, и вдруг 10 июня 1937-го появился А. Anixt; то же с Конен, которая вдруг 28 июня 1937-го стала Valentine V. Krenin. Хронологическая близость этих опечаток в Moscow Daily News провоцирует на рассуждения о влияниях политической атмосферы 1937-го, однако по идее трагические события должны были как раз усилить, а не ослабить качество проверки газетных текстов.

тор Беляев, чьё сотрудничество в ежедневнике началось 28 мая 1932-го²³. Затем подключилась Валентина Конен, писавшая поначалу на разные темы (в том числе о новых методах добычи нефти²⁴) и довольно долго работавшая в формате заметки или краткого сообщения. По сравнению с очень активной молодой коллегой Кузнецов в еженедельнике, по меткому театральному выражению, «дебютировал премьером». Почти все его статьи 1934 года — развёрнутые, тщательно набранные, с хорошо пропечатанными нотными примерами и иллюстрациями (это издание, в отличие от «младшего брата», в 1933-м стало выходить в цвете) — написаны в жанре историко-теоретического исследования.

Такая направленность материалов сохранялась недолго. Уже в январе 1935-го Кузнецов стал в еженедельнике автором собственной колонки, названной News Comments on Soviet Music, в отличие от более привычного заголовка колонки Music Notes, которую в 1934-м ввела в ежедневнике Конен (в этой колонке Кузнецов тоже опубликовал несколько текстов в 1935-м). Обзоры Кузнецова представляют собой краткие заметки (в среднем 20—25 строк), набранные мелким шрифтом и разделённые знаком * * *, о разных событиях в отечественном музыкальном искусстве — от проведения колхозной Олимпиады народного творчества до посещения столиц известными западными исполнителями.

Казалось бы, смена формата объёмных исследовательских статей на беглые зарисовки для учёного такого класса — шаг назад. Однако спустя три месяца этот парадокс объяснился: первоначально заявленный жанр текстов Кузнецова переместился в ежедневник, для еженедельника остались краткие выжимки, в том числе из некоторых более пространственных публикаций. Возможно, в принятии решения сыграла роль периодичность выхода изданий: в наиболее насыщенном материалами 1936-м Кузнецов написал для Moscow News 51 текст, для Moscow Daily News — 82. Кроме того, отдельные отзывы, предназначенные для двух разных газет, наверняка дублируют друг друга не целиком, но фрагментарно. А иные статьи (например, о Глюке, Шуберте, Бизе), вероятно, являются версиями русскоязычных исследований или изданиями уст-

²³ Victor Belayev. New Production of Rimsky-Korsakov's 'The Golden Cockerel' by as a satire and fairy-tale // Moscow Daily News. 1932. No. 21, May 28. P. 2. Интересно, что самый первый материал о музыке, появившийся в рамках этого проекта, также посвящён данной опере: Rimsky's Golden Cockerel has Brilliant Revival // Moscow News. 1932. No. 6, January 27. P. 4.

²⁴ Valentine Konin. How USA Oil Specialist Brought New Methods to the Black Town // Moscow News. 1933. No. 11, February 25. P. 6. Как известно, на протяжении одного года (1931—1932) Конен являлась студенткой Азербайджанского нефтяного института. Впрочем, как вспоминал позднее её супруг, «В[алентина] Дж[озефовна] была совершенно непригодна к инженерной деятельности. Иногда её обучение сопровождалось анекдотическими эпизодами <...>». См.: Фейнберг Е. Жизнь и судьба учёного // Голос человеческий. К столетию со дня рождения Валентины Джозефовны Конен (1909—1991). Воспоминания. Письма. Статьи. М.: НИЦ «Моск. консерватория», 2011. С. 12.

ных докладов, подготовленных, прочитанных, но не напечатанных. Наличие немногих обнаруженных повторов позволяет допустить, что, помимо еженедельной колонки, автор имел возможность публикации либо републикации в *Moscow News* и других своих работ.

Выдвигая предположение о разной аудитории двух газет, приходится ступить на зыбкую почву, не имея никаких административно-документальных доказательств. Почему пятidineвник не стал ежедневником сразу, в марте 1931 года? Экономия средств ни при чём: с американской стороны проект скорее всего спонсировали представители «левых» объединений, с российской же он являлся тогда органом «Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей» (ВОКС) и принципиально (как и вся пресса) поддерживался государством²⁵. Вполне возможно, что читательский спрос на издание изначально был социально неоднородным, охватывая интересы англоязычных не только пролетариата, но и интеллигенции (дипломатов, сотрудников посольств и школ), а также и тех просвещённых отечественных потребителей, которые знали английский язык.

Однако утвердившись в мысли, что 12-страничная *Moscow News* — с обилием фотографий и плакатных коллажей, на плотной бумаге — ориентировалась на хорошо образованную публику, необходимо теперь ответить на главный вопрос: почему в таком случае Кузнецов свои концептуальные статьи перенёс в 4-страничный ежедневник, где они — мелко набранные на плохой газетной бумаге — становились достоянием прежде всего рабочей аудитории? Частота публикаций в *Moscow Daily News* очень высока, и все без исключения оригинальные, интересные материалы, конечно, даже фрагментарно дублировать в еженедельнике было невозможно.

Следовательно, наиболее вероятно первая причина: Кузнецов хотел писать и публиковать как можно больше, в том числе и серьёзные тексты, предназначенные для специалистов. И, по-видимому, его коллеги — музыканты, искусствоведы, музыковеды — обращались к этой газете именно из-за данных материалов.

1935-й, первый год совмещения деятельности Кузнецова в обоих изданиях, характеризуется поиском не только стиля изложения, но и полиграфического оформления работ, что ясно видно на страницах ежедневника. Один раз инициалы псевдонима помещены там, где в дальнейшем он находился полностью (№ 90), в трёх случаях исследователь выступил под своим настоящим именем, причём в № 148 на одной странице рядом даны статьи К.А. Кузнецова и А.К. Смиса. Собственно стиль, как уже говорилось, от разнообразия первых публикаций постепенно двигался к унификации. Но жанры и предметы оставались весьма разнообразными — сообщения, рецензии, обзоры, библиографические заметки, исследовательские материалы о композиторах и исполни-

²⁵ И, кстати сказать, представлял лицо этого государства не только на родине: еженедельник *Moscow News* выходил и в других странах на разных языках.

телях разных времён, стран, национальностей, об искусствоведах и специальных научных изданиях.

Год 1936-й знаменует расцвет в Moscow Daily News не только деятельности Кузнецова, но и в целом публикаций о театре, литературе, кино, живописи и музыке. Информация об этом зачастую не помещается на отведённой для неё третьей странице и перетекает на четвёртую, смело подвигая спортивные новости и краткие сообщения.

Обращает внимание даже не столько частота, сколько вообще наличие текстов в летний «мёртвый сезон» — примерно месяц с середины июля до середины августа. И сейчас он остаётся таковым для Московской консерватории, а также для Международной биржи ценных бумаг (International Securities Exchange), котировками которой наверняка интересовался Кузнецов по роду другой своей деятельности — в качестве эксперта Наркомфина²⁶.

В 1935-м в указанный период Кузнецов опубликовал семь статей (три в еженедельнике и четыре в ежедневнике), в 1936-м — снова семь (четыре в еженедельнике — в каждом номере, как, собственно, и «в сезон», — и три в ежедневнике), в 1937-м — шесть (тот же алгоритм в еженедельнике и две в номерах от 21 и 22 июля в ежедневнике). Неудивительно, когда таким образом выходят большие работы, которые можно написать не в Москве и заранее отослать в газету. Но основной процент текстов — «моментальные» обзоры. По-видимому, даже в летнее время Кузнецов нечасто мог позволить себе отдых без целенаправленных поисков такого рода информации²⁷, что ярко иллюстрирует максимальную увлечённость журналистским процессом.

Конечно, определяющую роль здесь играла политика редакции, явно заботившейся о непрерывности освещения художественных событий. Помимо текстов Кузнецова, летние номера представляют и другие материалы о музыкальном искусстве, хотя иногда и менее значимые. Кузнецов же в июле—августе писал о концертах на открытом воздухе, о музыке в городе Борисове (пока не известно, кто ещё интересовался ею тогда в Москве), о совершении

²⁶ Об этом свидетельствует не только И.Я. Рыжкин в своих воспоминаниях: «<...> Его пригласили в Комиссариат финансов в качестве специалиста-консультанта по международным валютным расчётам <...>» (*Рыжкин И.* Из истории Московской консерватории в первые годы Великой Отечественной войны // Альманах / Труды ГЦММК им. М.И. Глинки. Ред. сост. М.П. Рахманова, науч. ред. М.В. Есипова. М.: «Дека-ВС», 2007. С. 500), но и наличие трёх экономических статей Кузнецова, опубликованных в специальных журналах. Симптоматично, что эти работы опубликованы в весенне-летний период (совместно с И. Чубаковым): Платёжный баланс САСШ и перспективы доллара // Плановое хозяйство. 1932. № 5; Франк в борьбе с маркой, фунтом и долларом // Фронт науки и техники. 1932. № 6; Военизация САСШ — предпосылка нарождающегося фашизма // Фронт науки и техники. 1932. № 7—8.

²⁷ Опираясь на частоту появления материалов, можно с некоторой долей сомнения предположить, что самым благоприятным в этом отношении было лето 1937-го, а именно две недели с начала 20-х чисел июля примерно до 3 августа: в Moscow News тексты Кузнецова отсутствуют с 21 июля до 4 августа, в Moscow Daily News — с 22 июля до 22 августа.

бригадой артистов Большого театра уникального тура в Арктику (1937), о планах исполнителей и коллективов на будущие месяцы, о собственной экскурсии в звукозаписывающую лабораторию студии «Мосфильм», о музеях и выставках.

Публикациям Кузнецова, в частности, летом 1936-го смогли помешать только сообщения о процессе «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» («процессе шестнадцати») на многих страницах *Moscow Daily News* от 19—24 августа. Спустя полгода (в январе—феврале 1937-го²⁸), а потом и в 1938-м последовали новые показательные судебные процессы. Если ориентироваться на содержание описываемых изданий, выходит, что именно эти процессы стали причиной «закручивания гаек», оттока иностранных рабочих и возвращения проекта *Moscow News* в его первоначальное состояние *одного* общественно-политического еженедельного издания с точечным алгоритмом освещения культурных событий и всё возрастающей ролью идеологических материалов.

Исход иностранных специалистов в родные места, по-видимому, к лету 1936-го уже начался (ссылки в советские лагеря также стали происходить не позднее этого времени). «К 1937-му году американское поселение на заводе Форда в Горьком стало пустынным. Из сотен американцев, которые были наняты, чтобы работать там, осталось только двадцать», — замечает Тим Цулиадис²⁹.

Таким образом *Moscow Daily News* утратила свою основную целевую аудиторию. Однако продержалась ещё более года. И это был хороший год — для Кузнецова и его коллег, для отделов «по искусству», для газеты в целом и для нынешних читателей.

Велико искушение рассматривать данный взлёт как искусственно форсированный в редакции — перед падением. Количество выдающихся специалистов, писавших в этот год о музыке, представляется максимальным: после перерыва вернулась Конен, прибавился Василий Яковлев, дебютировавший в соавторстве с Павлом Ламмом в 1936-м, а также Борис Яголим и многие другие, выступавшие эпизодически, с единичными публикациями (например, Евгений Браудо в № 275). Процесс привлечения иногородних корреспондентов (к сожалению, их имена не указывались) также начался ранее и здесь продолжился.

²⁸ Стоит отметить, что руководитель изданий в этой ситуации явно не потерял головы и поступил мудро: в ежедневнике протоколы судебных заседаний печатались в последней декаде января — и ровно 1 февраля новости искусства вернулись на свою третью страницу; в еженедельнике, напротив, подобные материалы заняли первую декаду февраля, после чего возобновились публикации искусствоведов. Таким образом читатели не остались без «духовной пищи», а сотрудники — без работы.

²⁹ *Tzouliadis T. The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia. P. 100.*

Год 1937-й стал в ежедневнике звёздным и для Кузнецова. Рецензии его, чаще развёрнутые, освещавшие фундаментальные проблемы, нередко помещены в верхней части или в центре «тематической» третьей страницы. (Для сравнения: тексты Конен там же если есть, то небольшие и расположены по сторонам от более важных материалов). В некоторых случаях отзывы Кузнецова, как и годом ранее, перенесены на четвёртую страницу с сохранением того же положения — обязательно с авторским псевдонимом или его инициалами. Необходимо особо отметить три случая публикации текстов на главной первой странице (№ 8, 209 и 248) и пять — на второй (№ 99, 141, 205, 252 и 254). В № 166 инициалами псевдонима подписан отзыв в 17 строк — впервые за то время, что Кузнецов проработал в газете. А в № 258 материал авторизован дважды — полный псевдоним наверху, его заглавные буквы — внизу. Конечно, это результат случайного недосмотра корректоров. Но, возможно, симптоматичный: мелкий штрих предметно иллюстрирует статус учёного в редакции. В любой газете постоянные (в том числе и внештатные) сотрудники чрезвычайно чувствительны к такого рода мелочам³⁰.

Однако возрастание значимости закономерно приводит к утрате некоторой части независимости. Трудно представить, что Кузнецов — вместо обращения к художественным произведениям — горел желанием писать об увеличении доли (прежде всего материальной) государственного «внимания» к искусству³¹ или о канале «Москва—Волга», в архитектуре которого «красота соперничает с пользой»³².

Начало 1938-го в работе ежедневника производит впечатление некоторого разброда. Статей об искусстве меньше, чем обычно, и расположены они на разных страницах бессистемно и независимо от размера и значимости. Что неудивительно: Moscow Daily News сворачивала деятельность, последний номер (42) вышел 21 февраля. Снова не имея документальных подтверждений (приказов, смет, ведомостей), на сей раз можно делать вывод с большой степенью уверенности: во-первых, с учётом наступивших в феврале перемен уже первый мартовский номер еженедельника вышел в удвоенном объёме 24 страницы, затем ставшем нормативным; во-вторых, краткие обзоры Кузнецова в Moscow News (изредка разбавляемые «серьёзными» рецензиями) совершили обратный путь — исчезли уже в феврале, уступив место вернувшимся «проблемным»

³⁰ Столь же значительное положение, во всяком случае, на поверхностный взгляд (без подробного перевода текстов), из российских учёных наблюдается только у Александра Аникста, писавшего так же много по количеству и разносторонне по жанровому наклонению материалов.

³¹ *A. Constant Smith*. Successes of Bolshoi Theater are Result of Soviet Care for Art. Wide Possibilities Lie before Theater Given High Awards // Moscow Daily News. 1937. No. 126, June 4. P. 3; *A.C.S.* Awards to Musicians are New Expression of Attention Paid to Art // Moscow Daily News. 1937. No. 127, June 5. P. 3.

³² *A. Constant Smith*. Beauty Vies with Utility in Moscow-Volga Canal. Severe but Pleasing Lines Mark its Architecture // Moscow Daily News. 1937. No. 153, July 6. P. 3.

текстам.

Публикации Кузнецова в еженедельнике (всего 20) теперь располагались с большими пропусками между корпусами статей: полтора месяца в феврале—марте (ушедшие на продолжение «троцкистских процессов» и прославление папанинцев, затмившие в том числе и празднование Международного женского дня), весь май, три недели в июне и затем оставшийся «летний» период до 26 сентября, когда (впервые с 1934-го) «мёртвый сезон» для Кузнецова действительно оправдал это название. Поверхностному взгляду может показаться, что в 1938-м из-за обилия общественных событий тексты учёного, по принятому в типографиях выражению, «не лезли в набор». Это не так, поскольку туда отлично помещались материалы других музыкальных критиков — в частности, впервые приглашённых С. Шлифштейна и В. Виноградова, а также не столь известных и потому на этих страницах пока безымянных авторов.

В 1939 году Кузнецов опубликовал в *Moscow News* шесть последних рецензий (в *Moscow Daily News* в завершающем 1938-м тоже вышло шесть). Первая — надписанная «Проф[ессор] К.А. Кузнецов» и названная «Народ поёт Ленина». К этому времени газета заметно изменилась: качество бумаги и набора уже было не прежним — с первой половины 1936-го количество номеров в цвете, отпечатанных на плотной светлой бумаге, неуклонно снижалось, как и правильность набора букв и слов. К тому же издание покинули и многие иностранные журналисты, работавшие там с первых дней (в отделе искусств — Milly Bennett Mitchell, Jack Chen, I.D.W. Talmadge), и отечественные — в частности, Виктор Беляев и Александр Аникст. Первое десятилетие существования газеты завершил 25 декабря 1939-го номер, специально посвящённый юбилею вождя всех народов и содержащий в качестве музыкального (в pendant к «ленинскому») анонимный материал «Пишите новые сочинения о Сталине»³³.

Таким образом издание сделалось куда менее разносторонним, чем когда бы то ни было ранее. Бросается в глаза сокращение числа псевдонимов и решительная смена состава музыковедов. И то, и другое хорошо видно при обращении к персоналии Кузнецова: его псевдоним остался одним из немногих (может быть, и вовсе последним), причём только в полном виде, а прощальный материал снова подписан «профессор»; статья об «Иване Сусанине» — вторая развёрнутая публикация о премьере, помещённая вслед принадлежащей Семёну Шлифштейну (№ 10 от 6 марта). Наверное, были причины для дополнения тематически и жанрово близкого материала спустя четыре дня после его появления: качеству рецензий Кузнецова, по-видимому, не могло соответствовать написанное Шлифштейном. Впрочем, как и Г.М. Шнеерсоном, В.М. Городинским, А.Я. Гаямовым, Г. Груздом и даже молодым И.В. Нестьевым.

³³ Write New Compositions about Stalin [с нотными примерами] // *Moscow News*. 1939. No. 52, December 25. P. 24.

Возможно, в 1940-е еженедельник Moscow News испытал новый взлёт³⁴. Но мы — вместе с героем данного очерка — остаёмся в границах 1930-х.

Кузнецов является самым результативным, самым преданным музыкальным корреспондентом проекта за первое десятилетие его существования. Огромное число публикаций не имеет аналогий в советский период, и в поисках сходных примеров необходимо вспомнить золотой век русской музыкальной критики с её многочисленными и при этом очень дельными текстами Серова, Лароша и Кюи.

Как уже говорилось, в рассматриваемых материалах, скорее всего, есть повторы. Но пока установлено только две рецензии, републикованные полностью вместе с названиями³⁵. Первая из них — «Что подумал бы Верди о “Травиате”, поставленной Немировичем-Данченко?». (При перепечатке заголовков слегка сокращён — наверняка ввиду экономии места). Сначала написанный для еженедельника, в ежедневнике этот отзыв стал дебютным для автора. Такое его решение оправданно: структура текста (воображаемый диалог Верди и Кузнецова) не имеет аналогов не только в корпусе статей последнего и не только на страницах двух описываемых изданий, но и в принципе в отечественной периодической печати того времени, снова отсылая к традиции предшествовавшего столетия.

Разумеется, Кузнецов принимал в расчёт интересы своей читательской аудитории: помимо привлекательных заголовков, в работах попадаются прямые отсылки к явлениям англо-американского искусства и науки. Другой вопрос, что в рамках этих текстов аналогии нередко воспринимаются в качестве нарочитых, да и в принципе стиль даже концептуальных материалов довольно таки плакатный: скорее всего, рассуждал (а может, и писал черновики) учёный на родном языке, а затем переводил. Многочисленность фраз, сконструированных по-русски, обилие однотипных повторяющихся выражений/схем, редуцированность лексикона³⁶ — конечно, всё это представляется таким в сравнении с русскоязычными трудами Кузнецова. Но в любом случае приходится

³⁴ Во всяком случае, плодотворной была деятельность в этом издании В. Конен, о чём упоминает Е. Фейнберг в своих воспоминаниях: «<...> Продолжалось интенсивное сотрудничество с “Moscow News” и до войны, и потом в 1943—1945 годах. Число сохранившихся вырезок, заметок и рецензий на концерты измеряется едва ли не сотней <...>». См.: *Фейнберг Е. Жизнь и судьба учёного // Голос человеческий. К столетию со дня рождения Валентины Джозефовны Конен (1909—1991). Воспоминания. Письма. Статьи.* М.: НИЦ «Моск. консерватория», 2011. С. 14.

³⁵ Хронологически второй из материалов, далее не разбираемый подробно: *A. Constant Smith. Music That Turns our Attention to Sunlight, Spring and Love // Moscow News. 1936. No. 18, May 1. P. 11; Moscow Daily News. 1936. No. 100, May 1. P. 3—4.*

³⁶ Поиски англоязычных работ Кузнецова в английских юридических изданиях не дали результата. Поэтому сравнения производились в рамках проекта Moscow News и в качестве материала имели также рецензии В.Дж. Конен, чей «американский английский» (что ожидаемо) значительно качественнее и интереснее, чем «русский английский» Кузнецова.

признать: лёгкость и естественность привлечения неожиданных сходств и подобий, глубина размышления, ясность форм и общая полётность высказывания (достигаемая благодаря гибкости использования разных времён глаголов и разных наклонений определений и придаточных структур) остались в русскоязычных работах музыковеда — тех, что мы изучаем и числим в качестве образцовых.

С другой стороны, широта познаний, восхищающая в содержании рассматриваемых здесь публикаций, заставляет обратить внимание на нюансы, выходящие за границы деятельности критика и относящиеся к тенденциям развития советского музыковедения в целом. Например, в столь объёмном корпусе материалов — как и в принципе на страницах этих газет — нет ни одного упоминания о Рахманинове. Зато в обзоре 1935 года присутствует небольшой — и здесь единственный в 1930-е — фрагмент под названием «Кредо Стравинского»³⁷, помещённым автором во вторую часть заголовка. Нельзя не подчеркнуть, что Кузнецов, по-видимому, был в редакции *Moscow News* единственным из музыковедов, кто превратил в самостоятельное направление публикации отзывов не только на музыкальные события, но и на научные — выходы сборников статей, архивных и иных материалов и других специальных изданий³⁸. А из его обзоров музыкального искусства народов СССР можно составить объёмную антологию.

Изучение истории сотрудничества Кузнецова с *Moscow News* позволяет дополнить творческую биографию специалиста многими ранее не известными сведениями, расширить представления не только о деятельности, но и о личности учёного.

Сравнивая его дореволюционные и послереволюционные тексты и — в принципе — отношение к профессии, можно говорить о цельности как научного мировоззрения, так и образа жизни.

Первый из названных периодов характеризуется свободой и лёгкостью перемены мест, условий и форм работы, приоритетных гуманитарных направлений. Кузнецову было интересно параллельно заниматься философией, юриспруденцией, политологией, музыковедением. Многочисленность и доступность его юридических текстов позволяют сделать некоторые наблюдения о зарождении тенденций исследовательского стиля учёного.

³⁷ *A. Constant Smith. Bandrowska Sings; Stravinski's Creed // Moscow News. 1935. No. 41, October 10. P. 7.*

³⁸ По этой причине здесь помещены выходные данные анонса, который сейчас невозможно обоснованно отнести к рецензиям, принадлежащим перу Кузнецова: *Volume on French Music to Be Out Soon // Moscow News. 1939. No. 13, March 27. P. 19.* Небольшой текст посвящён сборнику статей: *Французская музыка второй половины XIX века / Сб. переводных работ Ж. Тьерсо, Ж. Комбарье, Э. Истеля, Ш. Кёхлина, Ж. Продомма / Подбор материала, вступ. ст. и ред. М.С. Друскина. М.: Искусство, 1938.* В этом случае факт публикации не теряется и, возможно, она со временем обретёт имя автора.

В правовом поле он предпочёл обратиться к истории английского права — области в России малоизученной, практически почти что не применимой и потому до сих пор стоящей особняком в отличие от римского права, представляющего одну из традиционных сфер изысканий в рамках данной дисциплины. Проведя три года в Англии (1909—1912), потратив их на тщательнейшие занятия в архивах, результаты своей работы над темой Кузнецов оформил не типичным образом.

Две его юридические диссертации³⁹ написаны по-разному. Магистерская (1913⁴⁰) — скорее философская: она имеет предметом «политическую идеологию», осмысленную в ракурсе понимания власти как категории, отражённой в документах, художественных произведениях, проповедях и устных высказываниях и в этом виде, возможно, существующей отдельно от своих носителей. Бог, монархи, церковные иерархи, политики, чиновники, учёные, литераторы и «избиратели» (на последнем месте, в придаточных предложениях) являются героями этой книги, на страницах которой если и есть формулировки типа «правовая система», «судебная система» (в отличие от «Высшего суда», который там встречается неоднократно), «юридическая практика», то настолько редко, что остались не замеченными.

Докторская же диссертация (1915⁴¹), на поверхностный взгляд, как раз традиционна: она о становлении английской «судебной системы» и её особенностях. Однако и здесь продолжают развиваться оригинальные, имманентные качества, свойственные мышлению Кузнецова: нежелание останавливаться на общеизвестном; множественность подходов и умение «примерить на себя» позицию «героя»; ощущение истории как живого и нескончаемого процесса, в котором события, завершающие один период, одновременно активизируют другой (поэтому, видимо, и форма диссертации «открытая» — там отсутствует заключительный раздел); наконец, обилие персоналий, источников, фактов и точек зрения, зачастую неизвестных и второстепенных, но именно по этой причине нарушающих привычные научные картины и концепции.

Кузнецов подходил к изучению юриспруденции как философ, историк, культуролог и писатель, стараясь рассмотреть явления так, как они существовали в реальности, а не в границах отдельных дисциплинарных наклонов.

³⁹ Подробный анализ этих диссертаций, а также процедур их защит и мнений оппонентов находится в следующей статье: Берёзкин А. Профессор Восточного института К.А. Кузнецов (1883—1953) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1 (5). С. 11—16. URL: <http://www.dvfu.ru/documents/41490/2396929/09-01.pdf>. Дата обращения 20.07.2014.

⁴⁰ Кузнецов К. Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.). Владивосток: Восточн. ин-т, 1913. Защита: 12 октября 1913, Московский университет. Уч. степень: магистр. Науч. специальность: государственное право.

⁴¹ Кузнецов К. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса: типогр. «Техник», 1915. Защита: 9 октября 1916, Харьковский университет. Уч. степень: доктор. Науч. специальность: государственное право.

Стремление строить повествование, постепенно складывая его из элементов разного объёма и значения, нередко приводило к очерковости, а то и мозаичности изложения, терявшего монолитность общей доктрины и главные структурные опоры, зато приобретающего размах и яркость подробностей, объединить которые в одну теорию без противоречий до сих пор не удаётся специалистам.

По-видимому, особенности научного метода в данном случае отражают и отношение к собственной исследовательской биографии, в рамках которой Кузнецов прожил, можно сказать, несколько жизней, воспринимая мир, создавая тексты и существуя в едином духовном русле, без резких рефлексий по поводу несовместимости «идеального» и «обыденного».

Послереволюционную деятельность учёного не стоит представлять в качестве отхода «на зимние квартиры», где «перемена мест» обернулась столичной осёдлостью, множественность интересов — одним музыковедением, а отношения с властью — отказом от любых форм и видов сотрудничества.

Достаточно уже факта работы на Наркомфин подтверждённого, как указывалось выше, не административными документами, а экономическими изысканиями. Эксперты этого учреждения имели возможность ездить в командировки (в том числе зарубежные), которые не афишировались. Прекрасная осведомлённость Кузнецова о том, что происходило в больших и малых населённых пунктах по всей стране (вплоть до деревень и сёл), заставляет задуматься о путях получения информации. Тем более, что о путешествиях учёного даже в отпускные периоды пока ничего не известно.

Сотрудничество с *Moscow News* — вторая история участия Кузнецова в политическом государственном проекте, причём многолетняя и чрезвычайно успешная.

Там проявили себя по крайней мере два Кузнецовых — официальное лицо (профессор Московской консерватории) и некий рецензент А. Констант Смес.

Данный псевдоним именно в *Moscow News* опубликован не впервые⁴². Однако правомерно предположить, что музыковед придумал его ввиду близкой перспективы сотрудничества с этим проектом. Присутствие в одном издании двух материалов, принадлежащих перу Кузнецова и подписанных одинаково, можно обнаружить и в 1920-е, и в 1930-е в русскоязычной прессе⁴³, и в

⁴² Скорее всего, первым случаем использования псевдонима является его публикация в виде русских инициалов в январе 1934 года: *К.С.* Юбилейные концерты музыкального радиовещания // Советская музыка. 1934. № 1. С. 97—98. А в феврале подобный обзор уже подписан более полно: *А.К. Смес.* 4. Музыкально-критические фрагменты. Концерты, библиография, нотография // Советская музыка. 1934. № 2. С. 60—63.

⁴³ См., например: *Кузнецов К.* Страничка музыкальной социологии // Музыкальное образование. 1926. № 5—6. С. 14—17; *Кузнецов К.* От клавирина к фортепиано. (Из истории музыкальных стилей) // Там же. С. 31—37; *Кузнецов К.* «Музыка улицы» в Венеции XVIII века //

газете Moscow Daily News даже на одной странице⁴⁴. Следовательно, не опасения редакции по поводу того, что здесь станет заметным пристрастие к работам отдельного автора, обусловили возникновение псевдонима.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что первая статья Кузнецова в еженедельнике появилась 3 марта 1934-го, а в ежедневнике — 5 апреля 1935-го. Обе даты относятся к началам месяцев, с первых чисел которых, по-видимому, рецензент приступал к работе согласно некоей официальной договорённости. (В ином случае ничто не мешало ему единично публиковаться и ранее — в любых номерах от любых чисел — в качестве внештатного корреспондента). Возможно, в январе 1934-го Кузнецов уже планировал свой долговременный выход на авансцену в роли «второго персонажа»; а возможно, просто таким образом совпали факты. Но абсолютно точно, что появление на страницах одного издания двух разных материалов, подписанных разными именами одного автора, было отрететировано незадолго до начала работы в интернациональной редакции: в февральском выпуске «Советской музыки» за 1934 год очень яркую статью о театральной декорации написал Кузнецов⁴⁵, а указанный в сноске 42 вполне нормативный обзор — А.К. Смес. Именно он, возникший в преддверии деятельности в родственных англоязычных газетах, зачастую использовал там слова, выражения и сравнения, далёкие от академически музыкаловедческих.

Выбирая псевдоним, немногие литераторы ставят целью собственную анонимность. (И даже те, что сперва ставят, после иногда надеются на «разоблачение»). Специфика существования редакций практически не оставляет места для тайны, особенно если она касается персон, известных в определённых кругах. Поэтому наличие псевдонима в подавляющем большинстве случаев означает следование хорошей традиции, если угодно моде, для которой находка яркой маски — удовольствие как таковое. Подход Кузнецова нетипичен и здесь: являя новый лик, журналист акцентировал скрывавшуюся за ним неизменность — автора, мировоззрения, восприятия действительности. Права Н.И. Тетерина, расшифровывающая данный псевдоним в русских значениях как «Алексей Упорный Кузнец»⁴⁶ (определение лучше заменить на «стойкий» или «верный»). Но, думается, лишь отчасти: отец рецензента в этой истории явно лишний, а второе имя «Алексей» нигде не дано целиком. И в принципе после-

Советская музыка. 1933. № 1. С. 80—85; Кузнецов К. О моей историко-музыкальной работе // Там же. С. 122—125.

⁴⁴ A.C.S. «Letters of Borodin» Published. Second Volume of Correspondence of Famous Composer // Moscow Daily News. 1936. No. 93, April 22. P. 3; A.C.S. Ukrainian String Quartet in Moscow Concert // Ibid.; A.C.S. «Festival of Song» by Best Folk Artists of 20 Nations // Moscow Daily News. 1936. No. 156, July 9. P. 3; A.C.S. New Holbein Collection Published // Ibid.

⁴⁵ Кузнецов К. Театральная декорация в XVII—XVIII столетиях и её историко-музыкальные параллели // Советская музыка. 1934. № 2. С. 34—43.

⁴⁶ Тетерина Н. Забытое музыкознание: Константин Алексеевич Кузнецов (1883—1953) — историк права, искусствовед. М. (ГИИ), 2014. Рукопись. С. 8.

довательность слов не такая, как принято, когда по английскому обыкновению второе имя ставится между первым и фамилией: Constant A. Smith. В упорном написании A. Constant Smith (или даже без A., просто C.S. либо K.C.) первая буква, скорее всего, является артиклем: «Верный Кузнец». Можно добавить, что в точных науках определение «константный» (от латинского constans) означает неизменность, устойчивость элемента в ряду менее надёжных, а глагол sto, от которого образовано это слово, обладает огромным количеством значений, и среди них в соседних строках находятся «возвышаться, твёрдо держаться», «продолжаться», «оставаться, сохраняться» и «продаваться, стоить»⁴⁷.

В процессе постепенного погружения в историю советского музыковедения там обнаруживается всё меньше персоналий, просторечно называемых «кабинетными учёными», а также и других — бескомпромиссных «борцов с властью» и принципиально от неё «отстранившихся». Во всяком случае, среди известных и очень известных творческих фигур. Скорее всего, множественность реальных судеб, решений и событий того периода в современных представлениях лишена необходимых подробностей и потому помещается в некий общий драматический сюжет, где традиционно господствуют ходульные персонажи. В действительности же происходило всякое.

Вот и личность Кузнецова не укладывается ни в одну из заготовленных схем. Его умение распорядиться полученными огромными знаниями во многих областях, приспособиться к требованиям даже не столько идеологии, сколько внутрицеховой конъюнктуры и таким образом прожить в одной научной жизни несколько — беспрецедентно. Он был *последним* из отечественных музыковедов, кто сохранял максимальное (от экономики до искусства) разнообразие профессиональных интересов до начала 1930-х годов. Сознавая уникальность своего положения, учёный акцентировал его в январе 1933-го в излюбленной, эффектной, небрежной манере «простого» перечисления: «<...> Мне хочется осветить те своеобразные условия, в которых протекает моя научная деятельность. Музыка <...> не единственная область приложения моих сил и склонностей. Возьму хотя бы истекший 1932 год. За это время я, прежде всего, напечатал ряд работ по вопросам международных финансов <...>. Далее идёт — филология. Во мне живёт “многоязычник”, хотя и с уклоном в сторону английского языка. И, наконец, последнее, но не меньшее — музыка»⁴⁸.

⁴⁷ См.: Латинско-русский словообразовательный словарь / Авт.-сост. Г.В. Петрова. М.: ООО «Изд-во Оникс», «Мир и образование», 2008. С. 498, 501.

⁴⁸ Кузнецов К. О моей историко-музыкальной работе // Советская музыка. 1933. № 1. С. 123. Нельзя не отметить, что пока не найдено второго текста с подобными названием и содержанием, принадлежащего перу музыковеда. «О моей работе» — формат публикации, в советские годы типичной для композиторов, скульпторов, художников, режиссёров, писателей. Уникальность появления «творческого отчёта» Кузнецова соответствует исключительности его личности и деятельности, признанных в том числе и на официальном уровне.

И в рамках собственно журналистских изысканий Кузнецов бывал порой неожиданным, непривычным, полярным: от виртуозных, тонких исследований (как, например, «Музыка улицы» в Венеции XVIII века», 1933) и смелого обращения к «Кредо Стравинского» (1935) до административного, «с цифрами в руках», отчёта о просветительской роли государства в области музыки и воспевания архитектуры канала «Москва—Волга» (1937)⁴⁹.

Куда важнее, что натура Кузнецова как выдающегося учёного по сути своей оставалась неизменной. Многоликий, быстро и легко писавший, он успевал заниматься не только тем, что можно было оперативно приспособить к повседневному спросу, но и тем, что хотел оставить «для потомков». Маститый профессор (с 1942 года заведующий кафедрой) в консерватории, успешный сотрудник газет и журналов, уважаемый и любимый учениками педагог, желанный гость на концертах, выставках, конференциях самого разного профиля — *persona grata во всех* областях, где трудился, — Кузнецов одну из своих музыкальных монографий опубликовать не смог⁵⁰, а вторую не завершил⁵¹.

В Moscow News были рады любым изысканиям специалиста — печатали всё, даже многочисленные нотные примеры из фольклорных и классических музыкальных сочинений (на страницах этих газет — необычайная редкость⁵²). Молодым, не знавшим материальных сложностей, по-американски амбициозным изданиям манера работы критика — энергичная, с живой реакцией на события, с максимальным их охватом и плакатным стилем изложения статей — явно пришлась впору. С другой стороны — конечно, руководство газет никогда не пригласило бы Кузнецова, если бы их общая содержательная направленность отличалась тогда меньшим разнообразием преподнесения действительных явлений.

Оба издания, безусловно, являются ценным научным источником и сами по себе, без обращения конкретно к материалам Кузнецова. Между тем мне не встречались в трудах коллег упоминания ни Moscow News, ни Moscow Daily News. За единственным исключением: Лев Соломонович Гинзбург (1907—

⁴⁹ «Народ поёт Ленина» (1939), конечно, лучше опустить — во-первых, задание редакции (скорее всего это было оно) не обсуждается (и сейчас есть такое неписаное правило у достойных штатных журналистов); во-вторых, ещё точно не известно, о чём именно там идёт речь: возможно, в процессе подробного ознакомления с текстом читатель в который раз получит возможность приятно удивиться позиции автора.

⁵⁰ «Музыкальная культура Киевской Руси. Исследование. 1941». См.: Список основных музыкаловедческих работ и статей. К.А. Кузнецов // Выдающиеся деятели теоретико-композиторского факультета Московской консерватории. М.: «Музыка», 1966. С. 204.

⁵¹ «Музыка, театр и танец в XVII—XVIII столетиях». См.: Кузнецов К. Театральная декорация в XVII—XVIII столетиях и её историко-музыкальные параллели. С. 34; Кузнецов К. «Музыка улицы» в Венеции XVIII века. С. 80.

⁵² Другие нотные примеры, впрочем, также появлявшиеся нечасто — 2—3 раза в год в праздничных выпусках газет, — по складывавшейся тогда советской традиции представляют массовые песни.

1981) поместил перевод выдержки из статьи Кузнецова в своё небольшое исследование «Морис Марешаль» (1972). Гинзбург — и сейчас первый в мире, самый авторитетный и цитируемый специалист в области истории виолончельного искусства — известен своей фантастической работоспособностью, скрупулёзностью и дотошностью. В данном случае они в очередной раз помогли определить направление научного поиска — именно благодаря Гинзбургу описанный корпус материалов был обнаружен⁵³.

⁵³ Считаю приятной обязанностью поблагодарить сотрудников Читального зала газет и Отдела копирования Российской Государственной библиотеки, которые (далеко не впервые) отнеслись ко мне с пониманием и участием и оказали содействие в работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берёзкин А.* Профессор Восточного института К.А. Кузнецов (1883—1953) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1 (5). С. 11—16.
2. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956 / Сост. Л.В. Максименков, под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2005.
3. *Гарб П.* Иммигранты из США и Канады в СССР: опыт исследования социально-культурной и бытовой адаптации. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1990.
4. *Гинзбург Л.* Морис Марешаль. М.: «Музыка», 1972. С. 86—87.
5. *Иванова О.* Социокультурная адаптация иностранцев в Советской России в 1920—1930-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Рос. ин-т культурологии, 2006.
6. *Иванова О.* Трудовые мигранты в Советской России в 1920—1930-е годы. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://leonline.org/old/images/stories/books/mosty_20_ivanova.pdf. Дата обращения 22.10.2014.
7. *К.К.* [Кузнецов К.]. Ромэн Роллан о Люлли // Музыка (газета). 1937. № 4, 16 марта. С. 4.
8. *К.С.* [Кузнецов К.]. Юбилейные концерты музыкального радиовещания // Советская музыка. 1934. № 1. С. 97—98.
9. *Кузнецов К.* Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса: типогр. «Техник», 1915.
10. *Кузнецов К.* «Музыка улицы» в Венеции XVIII века // Советская музыка. 1933. № 1. С. 80—85.
11. *Кузнецов К.* О моей историко-музыкальной работе // Советская музыка. 1933. № 1. С. 122—125.
12. *Кузнецов К.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.). Владивосток: Восточн. ин-т, 1913.
13. *Кузнецов К.* Страничка музыкальной социологии // Музыкальное образование. 1926. № 5–6. С. 14—17.
14. *Кузнецов К.* Театральная декорация в XVII—XVIII столетиях и её историко-музыкальные параллели // Советская музыка. 1934. № 2. С. 34—43.
15. Латинско-русский словообразовательный словарь / Авт.-сост. Г.В. Петрова. М.: ООО «Изд-во Оникс», «Мир и образование», 2008. С. 498, 501.
16. Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917—1991 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия», 2013.
17. *Рыжкин И.* Из истории Московской консерватории в первые годы Великой Отечественной войны // Альманах / Труды ГЦММК им. М.И. Глинки.

Ред.-сост. М.П. Рахманова, науч. ред. М.В. Есипова. М.: «Дека-ВС», 2007. С. 500—502.

18. *Рыжков В.* Карагандинские мгновения Штирлица // Индустриальная Караганда. 2009. 24 октября. [Эл. ресурс]. Режим доступа:

<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256677560>. Дата обращения 13.07.2014.

19. *Смис А.К.* [Кузнецов К.]. 4. Музыкально-критические фрагменты. Концерты, библиография, нотография // Советская музыка. 1934. № 2. С. 60—63.

20. Список основных музыковедческих работ и статей. К.А. Кузнецов // Выдающиеся деятели теоретико-композиторского факультета Московской консерватории. М.: Изд-во «Музыка», 1966. С. 202—204.

21. *Фейнберг Е.* Жизнь и судьба учёного // Голос человеческий. К столетию со дня рождения Валентины Джозефовны Конен (1909—1991). Воспоминания. Письма. Статьи. М.: НИЦ «Моск. консерватория», 2011. С. 8—36.

22. *Davies J.* Mission to Moscow. London: V. Gollancz Limited, 1945. 2nd ed.

23. Editor Borodin Explains Role of Moscow Daily News // Moscow Daily News. 1933. No. 103, May 6. P. 4.

24. *Graziosi A.* 'Visitors from other times': Foreign workers in the prewar piatiletki // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. Vol. 29. No. 2, apr.—jun. P. 161—180.

25. *Seema R.* Comrades and Citizens — Soviet People (1932—1937) / With an Introduction by B. Webb. London: Gollancz, 1938.

26. *Shlifstein S.* Soviet Art Brings New Life to Glinka's 'Ivan Susanin' // Moscow News. 1939. No. 10, March 6. P. 14.

27. *Tzouliadis T.* The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia. New York: Penguin Press, 2008.